

Krhoun, Mečislav

Образ Довбуша в поэтическом творчестве Юрия Федьковича

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1965, vol. 14, iss. D12, pp. [95]-105

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/107664>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

МЕЧИСЛАВ КРГОУН

ОБРАЗ ДОВБУША В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ ФЕДЬКОВИЧА

На творчество украинского поэта Юрия Федьковича оказало огромное влияние народное творчество буковинских гуцулов. Поэт лично собирал и записывал народные песни, многие из них он помнил еще с детства. Он стал известным среди друзей, как знаток гуцульского фольклора. Когда Я. Головацкий готовил к печати „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, то он попросил Федьковича предоставить ему сборник гуцульских песен. Поэт принял предложение Головацкого, послал ему песни и Головацкий говорит о нем, как о своем сотруднике.

В народных песнях и сказаниях буковинских Федькович находил темы для своего творчества. Из народных песен он черпал народные мотивы. Любимым героем его стихотворений и драм является Довбуш, атаман гуцульских разбойников в карпатских горах.

Довбуш в народных песнях и сказаниях — это герой социального сопротивления украинской крестьянской бедноты против гнета и эксплуатации правящих классов — феодальных шляхтичей и богачей. Согласно народной традиции он ненавидел врагов народа, боролся против кривды, отнимал у богатых и давал бедным — мы видим в его лице воплощение тех же свойств, какие являются характерными и для других народных героев карпатской области, словацкого Яношика и силезского Ондраша. Социальная функция Довбуша — героя песни и сказок обусловила огромный интерес народа к мстителю за поправленные крестьянские права. Народ любил рассказывать и слушать не только о подвигах любимого Довбуша и его разбойников, а также о его личной жизни. Наиболее привлекательной чертой была любовь Довбуша к Давинке, женщине ставшей в последствии причиной его трагической гибели, его верная дружба с некоторыми гайдамаками, его поведение в отношении врагов и друзей. Довбуш был тверд и неумолим к врагам народа, но в то же время он проявлял благородство и великодушие в тех случаях, когда не было необходимости проливать кровь. Об этом свидетельствуют не только сказания, но также исторические источники. Известно, как благородно поступил Довбуш по отношению к матери польского поэта Францишека Карпинского.¹

Вот почему этот разбойник-рыцарь, „красный, красный як царевич“, перед которым „ляхи стинуть“, стал любимцем Федьковича, почему его поэт называет „нашей славой“. Образ Довбуша не покидает поэта на протяжении почти всего его творчества. Федькович часто использует этот образ для выражения своих чувств и взглядов. Тему Довбуша разрабатывал Федькович в лирических стихах, балладах и драмах. Мы встречаемся с ней

уже в первом сборнике стихов „Поезій“ напечатанном в 1862 г., где образ Довбуша выступает в двух стихотворениях: „Сонні мари“ и „Добуш“. Мы находим его в поэме „Новобранчик“, вышедшей в 1862 г., в трех стихотворениях, появившихся в 1865 г.: в украинском „Сам“ и двух немецких „Dobusch“ и „Dzwinka“, напечатанных в сборнике „Gedichte“. В коломыйском издании Поезій в 1867 г. появляется упоминание о Довбуше в стихотворении „Городенчук“. В цикле „Дикі думи“ три стихотворения касаются темы о Довбуше: „Доля“, „Довбуш“ и „Дзвинка“. Они напечатаны в 1877 г., но написаны раньше. В немецком сборнике „Am Tscheremus“ появившемся в 1882 г. прибавилось к стихотворениям с довбушевской тематикой еще одно: „Sängers Loos“. Ряд этих стихотворений кончается „Убогим легінем“, написанным 24 июня 1886 г., напечатанным в 1887 г. Как видно из этого обзора, довбушевскую тему разрабатывал Федькович во всех периодах своего творчества.

Образ Довбуша мы находим уже в первом сборнике стихов Федьковича, в его „Поезіях“, изданных Дидьциком в 1862 г. В предисловии издателя к „Поезіям“ приведены отрывки письма поэта Дидьцикому, в котором поэт сообщил, что первое стихотворение, написанное им во время болезни в 1861 г. в Семиградье, где он нес гарнизонную службу, были „Сонні мари“.² Это стихотворение возникло под впечатлением тоскливого настроения. Оно было результатом воспоминаний родного „Підгір'я“, детских лет и юности. Но все эти воспоминания и мечты в том виде, как мы их читаем в „Сонних марах“, в конце концов не имели реальной почвы, все это было создано фантазией поэта. Биограф Федьковича Маковой называет эти воспоминания галлюцинациями.³ В такой связи с Довбушем мы и встречаемся впервые в творчестве Федьковича.

Поэт живо представляет себе в „Сонних марах“, как в дни юности он, вместе с деревенскими парнями, любил ходить на могилы „капитана“ Довбуша, „підгірського мстителя“, а также его побратима Ивана, похороненного рядом с ним. Поэт рисует сентиментально-романтическую картину: он украшает обе могилы ветками и барвинком а затем поет песню о Довбуше под акомпанимент кобзы и иногда плачет. Осип Маковой, сравнивая поэтическую картину с действительностью, упрекает поэта в том, что он описывает могилу Довбуша, хотя никто не знает, где она находится, что он не мог ходить с парнями на могилу Довбуша, так как еще мальчиком покинул родные места, и наконец за то, что он наверно не мог общаться с гуцульскими парнями, будучи сыном чиновника.⁴ Маковой может быть и прав, но дело тут не в соотношении действительности и фантазии, а в ярком выражении поэтического состояния поэта. Рисуя придуманные сцены и картины своего прошлого под Черногорой в буковинском Підгір'є, поэт выражает свои пожелания и мечты в настоящем. Мы знаем из биографии поэта, что он именно в это время особенно жаждал свободы и возвращения на Буковину. Он хотел подать в отставку и вернуться к матери в родное село Путилов-Сторонец. Могила Довбуша является следовательно для поэта символом Родины.

Со стихотворением „Сонні мари“ связано интересное намерение Федьковича, которое не было, конечно, осуществлено, но о котором поэт писал в письме от 24/9 1861 г. Антону Кобылянскому: „Сі мої ‚Сонні мари‘ мали послужити за прольог до романців ‚Добуш‘, котрі я на спосіб Гердероваго

„Сіда хотів укласти. То си мені тим часом не повело.“⁴⁵ Хотя это намерение не удалось осуществить, но он о Довбуше думает, когда пишет: „ще я имено моего славного края повеличаю“.⁶ Поэт по всей вероятности решил тогда написать драму „Довбуш“. Он пишет Кобылянскому, что план к „Довбушу“ готов, но идет ли речь о драматическом или другом произведении поэта, точно неизвестно. Может быть Федькович сам не мог решить, как эту тему разработать. Он нуждался в совете Кобылянского, которому писал: „Коби то нас Господь зніс до купи, а за пів рік і мій Добуш на світ би виступив.“⁷

То, что создание цикла романсов о Довбуше в гердеровском стиле не было осуществлено поэтом-лириком, вполне понятно. Вряд ли „Сонні мари“ могли стать прологом к такому циклу. Субъективно-лирическое стихотворение, построенное на материале личных переживаний не соответствовало задуманному плану. Но в сборнике „Поезії“ мы находим еще одно стихотворение с довбушевской темой: балладу „Добуш“. Быть может Федькович балладу задумал как начальное звено цикла в гердеровском стиле.

Уже Дидыцкий назвал это стихотворение „чудесной балладой“⁸ и нет сомнений, что „Добуша“ надо считать одним из самых ярких и самых выразительных произведений Федьковича с довбушевской тематикой. Все исследователи по вопросам творчества Федьковича (напр. Маковой, Пивоваров и др.) объединяются в том, что баллада „Добуш“ создана под влиянием буковинских народных песен и сказаний о Довбуше. Интересно сопоставить балладу Федьковича с народными песнями и узнать, какие черты образа героя заимствовал поэт из народных песен и что создано творческой фантазией поэта.

Мы знаем несколько народных песен о Довбуше. Они близки друг к другу не только по тематике, но также по композиции и по некоторым деталям. Федьковичу несомненно были известны эти песни. Рассмотрим здесь два варианта, запись которых по времени близка эпохе Федьковича. Первый вариант записал и напечатал И. Н. Вагилевич,⁹ второй более подробный мы находим в упомянутой уже книге Я. Ф. Головацкого.¹⁰ Автор несомненно знал по крайней мере этот последний вариант. Оба варианта сходятся в том, что в обоих бытовая тема: в них рассказывается о любви Довбуша к Дзвинке, ее измене и кончине Довбуша. Оба варианта различаются между собой лишь немногими подробностями. Однако в некоторых деталях эти варианты все же отличаются друг от друга. В двух вводных строках в варианте Вагилевича Довбуш гуляет под холмом, в варианте Головацкого под рощей. У Головацкого разбойники предостерегают своего атамана. („Тамь пригода буде на насъ.“) У Вагилевича этот эпизод отсутствует. В варианте Головацкого рассказывается, что раньше чем приступить к разговору с Дзвинкой, Довбуш приказывает своим товарищам приготовиться к обороне — возможна измена. Этот эпизод отсутствует в варианте Вагилевича. Там Довбуш непосредственно приступает к разговору с Дзвинкой. Другие различия находятся в окончании обеих песен. Песня записанная Вагилевичем кончается прощальным обращением Довбуша к разбойникам. Он просит отнести его тело на топориках в Черногору и положить под буком. Он советует разбойникам взять деньги, уйти и больше не разбойничать. В варианте Головацкого Довбуш обращается к Ивану Сологирскому с просьбой отнести его тело в Черногору и там изрубить на мелкие кусочки, чтобы ляхи не издевались

над ним. Этой детали нет в версии Вагилевича, в которой отсутствует также разговор Довбуша с мужем Дзвинки Степаном, который и убивает Довбуша. В уста Степана вкладываются слова о женской неверности. Заключение песни Головацкого тоже отличается от версии Вагилевича. В варианте Головацкого рассказывается о грустном конце разбойников, которые не успели убежать и были казнены ляхами на рынке в Станиславове.

Баллада Фельковича „Добуш“ сходна по своему содержанию с обоими вариантами, с вариантом Вагилевича и с песней Головацкого. Но сила таланта Фельковича и его поэтическое видение видны в распределении поэтического материала и в построении отдельных сцен. Форма стихотворения также оригинальна. Поэт сумел очень тонко использовать некоторые мотивы народной песни для создания самостоятельных, совсем новых, но не идущих в разрез с народным духом сцен и ситуаций. Так уже первые две строфы с риторическими вопросами, восклицаниями и описанием наружности героя построены на гиперболизме народных песен. Следующая третья строфа рисует романтическую лунную ночь и тревожное психологическое состояние героя. Интересно тут использованы первые строки народной песни. В варианте Вагилевича Добуш гуляет под холмом, в балладе Фельковича он ходит по долине, у Вагилевича и у Головацкого Добуш опирается на топорик, у Фельковича „ни топірчик вже не пестить“. Певец-разбойник в четвертой строфе — это выдумка поэта, в творчестве которого образ певца играл значительную роль (напр. в стихотворениях „На день добрий“, „Співацка доля“, „Співацка добраніч на скін Тараса Шевченка“, немецкое стихотворение „Тагаз“ и др.). Однако в шестой строфе поэт-воин своеобразно переработал строку народной песни о том, что Добуш „на хлопци покликає“ (у Головацкого, у Вагилевича „на молодці покликає“). Фелькович заставляет Добуша будить своих разбойников выстрелом из пистолета. Наиболее выразительным использованием Фельковичем мотивов народных песен в его собственном творчестве надо считать конфликт между Добушем и Иваном, когда Добуш идет в гости к Дзвинке. У Головацкого шайка разбойников предчувствующая измену предостерегает Добуша. Добуш их успокаивает тем, что призывает их к осторожности. У Вагилевича этого эпизода нет. У Фельковича ситуация сложилась иначе. Добуша предостерегает не шайка разбойников, а его лучший друг Иван, испугавшийся криком совы.

С Иваном, лучшим другом Добуша, мы встречаемся в варианте Головацкого, но в другом контексте. К Ивану — в песне его называют Сологірским — обращается умирающий Добуш с просьбой отнести его в Черногору. В балладе Фельковича этот Иван, преданный друг Добуша, начинает спорить с ним, желая задержать Добуша на его пути к Дзвинке. Добуш сердится и хочет убить смельчака, который ему ставит препятствия на пути к любимой женщине, но на конец мирится с Иваном.

Этот эпизод с точки зрения построения баллады несколько замедлил ход повествования. Однако Фелькович поставил себе задачу не только пересказать народную песню, но главным образом создать яркий образ своего героя. И это ему удалось: постепенно строфа за строфой углубляется психологический облик Добуша. Он обрисован согласно народной песне, но в то же время является самостоятельным созданием поэта, сумевшего прочувствовать народное представление о герое и толковать его по-новому.

Характеры других героев баллады развернуты также в духе народных песен. Народная песня намекает на измену Дзвинки уже в ее ответе на вопрос Довбуша об ужине. В варианте Вагилевича Довбуш спрашивает:

Чи спиш, кумцю, чи ночуеш,
Чи вечеру нам готуеш?

Дзвинка отвечает:

Ой вечера неготова,
Бо Штефана нема дома.
А вечера буде пишна,
На весь свиток буде дивна.¹¹

Почти те же строки находятся в варианте Головацкогго. Федькович в своей балладе создает подобную сцену, но стилистически ее преобразовывает. Когда Довбуш говорит Дзвинке, что разбойники принесли много меду, и обещает, что они вместе будут есть и пить, Дзвинка также, как в народной песне, произносит свою угрозу:

Ти ся хочеш напивати!
Я ти пива наварила,
буде світ ся дивувати.¹²

Есть и другие сходные черты с народной песней: когда Довбуш грозит взломать дверь, Дзвинка отвечает в народной песне и в балладе Федьковича одинаковыми словами: „В мене двері тісовіі“. В народных песнях умирающий Довбуш просит разбойников, чтобы они его взяли на топоры, отнесли в Черногору (в вариантах Вагилевича и Головацкогго) и избавили его от издевательств ляхов (у Головацкогго). Те же подробности мы находим в балладе Федьковича, но окончание баллады не сходно с народной песней. Народная песня рассказывает о судьбе разбойников; Федьковича разбойники не интересуют, он рассказывает о Черногоре залитой солнцем и о глубоком сне Довбуша.

Разбор показал, что баллада Федьковича, построенная на мотивах устного народного творчества, очень близка к варианту Головацкогго, с которым имеет большое сходство не только в отношении фабулы, ее развития и действующих лиц, но также во многих подробностях. Вкладом Федьковича является углубление характеристики Довбуша и Ивана, эпизод с разбойником-народным певцом, описание внешнего облика разбойников, настроение характерное для баллады, мотив позолоченного торопика и лирическое заключение стихотворения эффектным контрастом солнечного восхода и зловещего крика совы в глубоких скалах.

Построение баллады подчинено стремлению поэта всесторонне развить образ героя. Во вступлении стихотворения поэт рисует внешний образ своего героя, его красивую внешность, богатство и власть; в последующих строфах раскрывает черты характера Довбуша: пылкость, твердость и упрямство. Дальше показана его страстная любовь к Дзвинке и удаля, приводящая его к трагической гибели. Образ Довбуша — по словам Н. Ф. Пивоварова — дается в бытовом плане, в интимных отношениях к любимой женщине. Но нельзя не видеть, что все стихотворение насыщено подлинным демократизмом, являющимся также вкладом поэта; в народных песнях его нет. По мнению Пивоварова Федькович отодвинул социальные мотивы в деятельности Довбуша и его товарищей на второй план. Это справедливо, но надо учитывать, что народные песни, которые были источником для поэта и служили

ему образом, изображают Довбуша также только в бытовом плане. Но демократизм, свободолюбие, презрение и ненависть к феодалам, врагам народа и его угнетателям проявляется в пренебрежительном отношении Довбуша и его товарищей к королю, немцам, венграм и особенно к ляхам. Здесь, конечно, нельзя говорить о каком-то национализме — нельзя забывать о том, что панами и угнетателями украинского населения в карпатской области были правящие немецкие, венгерские и польские круги. Употребляя слово „лях“, поэт подразумевает польского шляхтича, который угнетал простого гуцула. Нельзя тоже забывать, что цензура не пропустила бы в то время произведение с явно выраженной идеей социального освобождения. Судьба поэмы „Лук'ян Кобилиця“ может послужить этому примером: возникшая по всей вероятности в 1862 г. она не могла быть напечатана при жизни поэта, изданная в 1891 г. она подверглась ряду цензурных изменений. Мы знаем, что даже в самой балладе „Добуш“ Дидыцкий должен был заменить во второй строке первой строфы слово „ляхи“ словом „звери“.¹³ И так считать балладу „Добуш“ идейно нейтральной нельзя. „Добуш“ является одним из ярких прогрессивных и социально выразительных стихотворений Фельковича. Недаром он стал настолько популярен, что вся молодежь 60-х годов в Галиции заучивала наизусть эту поэму. Ведь уже выбор героя свидетельствует о прогрессивных настроениях и стремлениях поэта.

Социально-революционная настроенность появляется с момента упоминания о Довбуше в поэме „Новобранчик“. В этой поэме с общественно-наблевшей тематикой действия чередуется с лирическими отступлениями, в которых поэт откровенно высказывает свои взгляды. В одном из них он сравнивает своих буковинских гуцулов с казаками, но отрицает их взаимное родство. Ибо казаки „за свій край та волю ся бють — А ми за що бємось?“¹⁴ Фелькович это не может сказать, так как он должен еще жить и петь, „аж ту Чорногору собов ни підважу, та Добуша найду“.¹⁵ Довбуш уже долго спит в могиле, он уже поплатился за свою излишнюю доверчивость. „Встань, друже“ — обращается поэт к Довбушу — мы уже зрелые люди, мы не рекруты. И если нам надо погибнуть, то мы охотно погибнем, но не под палками в немецком рабстве, а в борьбе за родную землю и свободу.

Резкий выпад против немецкого ига не следует понимать в узком национальном смысле. Оттенок значения у него другой — социальный. Немецкое рабство — это общественный и экономический произвол, какой испытывало в бывшей австрийской монархии украинское население Буковины. Как видно, и в кратком упоминании о Довбуше, его образ — это образ борца за общественную свободу своего народа.

Другие упоминания о Довбуше в поэзии Фельковича встречаются напр. в поэме Городенчук, но с идейной точки зрения они уже не так выразительны. Все-таки само имя атамана буковинских разбойников призывает к борьбе, подвигам:

А як вшкварить Добушука
То всі аж до зброї
Ізірвуть-ця! . . . кров запахне!¹⁶

Фелькович попытался использовать образ народного героя Довбуша в стихотворениях, в которых решал свои субъективные проблемы. Такой

субъективной проблемой во второй половине 60-х гг. был у поэта вопрос о смысле его поэтического назначения. Поэт имевший в начале блестящие успехи вследствие тяжелых обстоятельств в личной жизни и трудных условий жизни украинского общества в бывшей Галиции начал сомневаться в правильности своего решения стать украинским поэтом. Волнующие вопросы он воплощал в стихотворения, в которые вкладывал свои мысли о судьбе поэта в обществе. Эти мысли вложены в уста его любимого героя Довбуша. К числу таких стихотворений принадлежит стихотворение „Сам“.

В этом стихотворении образ Довбуша дан в новой связи. Поэт в духе романтической поэзии под влиянием своих личных переживаний и своего личного опыта создал стилизованного певца-поэта, одинокого среди людей, пренебрегаемого ими и несчастного. Вместе с тем появляется стилизованный образ Довбуша. Он выступает как сама Судьба, которая объявляет роковой приговор молодому человеку: ты будешь поэтом!

Стихотворение „Сам“ построено очень эффектно. На просьбу охотника, пришедшего на могилу Довбуша, чтобы ему „калфа“ помог в беде, Довбуш отвечает из могилы: царем будешь! Но охотник отказывается:

Добощуку, ти пане наш,
 Лучше пропадаю
 Серед світа безталанним,
 А ковать не буду
 У кайдани святу волю.¹⁷

Тогда голос Довбуша из могилы приказывает охотнику: Добушем будешь! Будешь наказывать врагов народа, казнить их и мучить. Но охотник опять отказывается и тогда голос Довбуша окончательно решает: иди и пой равнодушным людям. Эту тему поэт разработал еще в двух украинских стихотворениях Доля и Убогий легинь и в одном немецком „Sängers Loos“. Стихотворение „Доля“ из цикла „Дикі думи“ переносит все события в область сновидения, стихотворение „Убогий легинь“, написанное в конце жизни поэта, отличается от предыдущих стихотворений только своей строфической формой и последней автобиографической строфой, в которой поэт отождествляет героя стихотворения с самим собой.

Каково же отношение поэта к Довбушу в этих стихотворениях? Хотя стихотворения надо считать очень личными и субъективными, все-таки диалог героя с Довбушем дает нам возможность узнать взгляды Федьковича не только на судьбу поэта, но также на его общественно-политические убеждения. Эти взгляды не многим отличаются от того, что мы говорили о них в связи с балладой „Добуш“. Это — пренебрежение к правящему классу. Ни охотник, ни бедный молодой человек сновидения не желают быть ни царем, ни королем: охотник не хочет заковать святую болю в цепи, не хочет идти в палачи, не хочет убивать людей. Царей и королей он отождествляет с Нероном. Интересно, что автор устами своих героев отказывается и от роли Довбуша, от мести врагам. В стихотворении „Доля“ даже осуждает Довбуша от имени народа. Это новая черта, с которой мы встречаемся только в этих трех стихотворениях. Она показывает, что автор боялся насилия и кровопролития. Это очень ярко выражено в немецком варианте этой темы. Довбуш говорит гуцулу, который темной ночью пришел к его могиле и отказался быть королем:

So werde ein anderer Dowbusch du,
Und trinke Tyrannenblut!

На это предложение гуцул отвечает:

Uzulenkalfa! Das werde ich nicht!
Eh' trinke ich Höllenglut!¹⁸

Нет достаточных оснований делать вывод, что Федькович отвергал восстания, революционные движения, но во всяком случае отказ его героев от роли Довбуша и их молчаливое принятие доли поэта-бедняка очень характерно. Типично также, что автор в трех украинских стихотворениях отрицательно обрисовывает Довбуша. Он зарезал своего брата и побратима, люди лишались сознания при виде Довбуша, гуцулы его проклинали „за свою неславу“. Он стал жертвой вероломной женщины. Этот отрицательный образ любимого героя свидетельствует о противоречиях в душе поэта и о кристаллизации нового мировоззрения.

Посылая в ноябре 1876 г. Изидору Воробкевичу свои „Дикі думи“, Федькович отметил в сопроводительном письме, что „всі сі поезіи становя одну цілість, неначе поетичну автобіографію“.¹⁹ В числе этих стихотворений была „Доля“, где осуждение Довбуша дается резче, чем в остальных двух стихотворениях, ибо здесь именно поэт говорит, что гуцулы проклинают Довбуша „за свою неславу“. Из этого вытекает, что Федькович упрекал Довбуша в неправильном, пассивном подходе к делу освобождения гуцульских крестьян. Кажется, что главную причину мнимой неудачи Довбуша Федькович видел в преступной любви к Дзвинке. Свидетельствуют об этом и другие два стихотворения „Диких дум“: „Довбуш“ и „Дзвинка“ а также их немецкие варианты.

В первом стихотворении его герой больной Марко — двойник самого поэта — видит в лихорадочном сне, как Довбуш, вставший из могилы, кровавыми руками отбрасывает свой „сердак“ с простреленной груди и, схватив ядовитую змею — „гашечку“ — висающую у него на шее, вкладывает ее в рану. Марко просит мать подать ему ружье, ибо проклятая змея высосет у Довбуша душу. Такую же мысль высказывает герой немецкого варианта Иван:

O Mutter, die Bestie saugt noch
Dem Hauptmann die Seele aus!²⁰

Змея — это конечно символ вероломной Дзвинки. Ее преступной деятельности Федькович уделил внимание в украинском и немецком вариантах стихотворения „Дзвинка“. Здесь также рамкой произведения является лихорадочный сон больного гуцульского парня (в немецком варианте поэт его называет Юрием — своим собственным именем), который смотрит на то, как Дзвинка готовится к убийству Довбуша. Федькович воспользовался здесь многими народными суевериями. Дзвинка расплавляет два креста, отливая две пули. Заряжая ими ружье, она прибавляет к пороху „змийовину“ и „зрадзіль“, растения употребляемые ведьмами. И тут слышится крик совы и завывание ветра. В такой обстановке Дзвинка убивает пришедшего Довбуша, и когда он лежит убитым и две струи крови брызжут у него из груди, она опираясь на ружье, кокетливо улыбается. В немецком варианте больной Юрий просит мать подать ему быстро ружье.

В этих стихотворениях поэт выразил свою ненависть к убийце любимого Довбуша, но его интерес о Дзвинке, виновнице неудач Довбуша был слишком большой. Довбуш здесь отступает на второй план и его образ мало выразителен. Тот, кто не знал бы народных сказаний и общественного значения Довбуша, тот не поймет последних двух стихотворений, не поймет трагедии Довбуша и полного смысла провинности Дзвинки. Дзвинка, убив Довбуша, нанесла вред народу. Оттуда она для поэта змея и ведьма. Не напрасно свои немецкие стихи поэт сопровождает примечаниями.

Стихи о Довбуше в цикле „Дикі думи“ и их немецкие варианты обращают внимание на то, что Федькович не был удовлетворен Довбушем народных песен, так как в них он был реальным человеком. Федькович пытался сделать его рупором гуцульских чаяний и стремлений к свободе и славе.

Таким идеальным вождем и героем гуцулов Федькович хотел иметь Довбуша в своих драмах. Трижды он пытался прославить своего земляка, о котором писал в январе 1863 г. друзьям: „Дуже міні Добушъ чось на души тяжить, ажь снитця міні часомь“.²¹ Драму о Довбуше Федькович начал писать по всей вероятности уже в 1862 г., так как в письме, посланном в этом году К. Горбалу пишет: „пришло ти може й уламок з того Довбуша, абес міні над ним Твою критику здав“. О Довбуше Федькович вспоминает часто в переписке с друзьями в течение 1863 г. и 1864 г. Из задуманной драмы в пяти действиях, которая подвергалась несколько раз переработкам, в 1867 году было окончено первое действие. Об этом он писал в письме от 18/5 1867 г. К. Горбалу: „Перший акт Добуша також зовсім готовий и може вже стати на подри.“²² Но вскоре Федькович прекратил работу над Довбушем вследствие отрицательной критики своего творчества напечатанной в „Руси“. Он вернулся опять к драме и окончил ее.

Из упоминаний о Довбуше в переписке поэта интересна заметка в письме от 30/12 1870 г. к редактору львовской газеты „Правда“. Из этой заметки вытекает, что Федькович посылал рукопись своего „Довбуша“ или друзьям на обсуждение, или в редакции для напечатания. Но критика была по-видимому отрицательной, ибо поэт в упомянутом письме, в котором просит редактора позаботиться о возвращении рукописи драм „Довбуш“ и „Керманич“, пишет между прочим: „А естли би була ласка ваша мені сказати, дїля чого той мій Довбуш такий нещасливий, то не забудь бих вам ніколи.“²³

Отрицательное отношение читателей к „Довбушу“ понятно. В драме поэт уклонился от реальной почвы и его Довбуш вышел схематичным, не живым человеком. Стремясь наложить на своего героя самые яркие краски и создать идеального вождя гуцулов, поэт уклонился от фольклора и народной традиции. Он построил свою драму на выдумке, на фантастических теориях древней славянской мифологии и истории. Об этом мы можем убедиться, читая его предисловие к второй редакции драмы „Довбуш“, где он подчеркивает любовь гуцулов к свободе. Ею он и объясняет возникновение разбойнического движения среди гуцулов. Он об этом говорит: „А тая ж то любов его до волі була и причиною, котра за часів ляцкого шляхоцтва, румунского боярства и мадярского магнатства гуцула у горні ліси прогонила, де він, вибравше собі сміливого переводця, з ножом у кулаці, не тільки над своїм кровавим тіраном кроваво мстив ся, але и ненавистному богачикови

золоті мішки принятно вітрив, а таким способом не лишь панам, але и богачам страхом був.²⁴

По мнению Фельковича Олекса Довбуш был одним из самых непримиримых и грозных атаманов разбойников. Днем он нападал на большие города, но его целью был не только грабеж, но главным образом кровавая месть. „А его шляхотний характер — продолжает Фелькович — при таких случаях, найпаче же его великодушність, встекла відвага и завзятість, убрали его у фантазії народа у авреоло повістей и пісень, як рідкого котрий нарід свого героя. Навідь у піснях далекої України є про него споминка, а гуцулський нарід має'го конечно за свого Барбароссу, що він, як сей с своєми рицарями у Кифгайзер, с своєми ледїнями у величавім Сокілскім дримає, би колисьто, як на літного Купала сокілські соколи повернуть, пробудитись, и гуцулів с темних карпатских гір на ясні побережя чорного моря повести.²⁵

Как видно, образ Довбуша здесь сливается в фантазии поэта с королем-гуцулом, возникшим несомненно под влиянием прочитанной немецкой литературы, и со сказанием о горе Сокілский. Но поэт шел еще дальше. Он находил даже связи между Довбушем и вымышленным (кажется им самим) богом света и юности Ладом-Дажбогом. Свою роль сыграла здесь и ложная этимология. Итак мы видим, как молодой атаман гайдамаков вырос в символ маленького гуцульского народа, стал по воле поэта будущим освободителем гуцулов, принял черты древнеславянских богов. Этот новый образ Довбуша возник в тесной связи с фантастической концепцией прошлого гуцулов, создавшейся под влиянием исторических произведений друга поэта, немецкого профессора Эрнеста Нейбауера. Фелькович принял его периодизацию истории „страны Серета“ (Seretland) и поверил, что гуцулы — это обрусевшие уцы или моголы, пришедшие в карпатские горы с Черного моря.²⁶ Мы знаем, что эта теория фантастична и что гуцулы — это русское племя, может быть киевского происхождения, как это стремится доказать Д. К. Зеленин.²⁷ Однако Фелькович в своих драмах о Довбуше стремится создать не карпатского разбойника, а представителя черноморских уцв-моголов. Его Олекса Довбуш во второй и третьей редакции драмы „Довбуш“ — это воплощение исторических теорий поэта. Он даже знаток прошлого гуцулов, о котором рассказывает воеводе, добиваясь свободы для своего народа. Довбуш в обеих редакциях (второй и третьей) трагедии выступает — к сожалению только в одной третьей сцене первого действия — как настоящий представитель своего народа. Эта сцена — диалог Довбуша с воеводой — является лучшей сценой всей драмы. Здесь Довбуш — это не только удалец, но в то же время подлинный борец за счастье и волю народа. Жаль, что в этом плане поэт не сумел его удержать. Необузданная фантазия исказила это произведение.

Примечания

¹ Franciszek Karpiński, *Pisma wierszem i prozą*. Ze wstępem: Piotra Chmielowskiego. Warszawa 1896 — стр. 561.

² Поезії Юсіфа Фельковича. Львов 1862. Слово от издателя, стр. XV.

³ Осип Маковей, *Житєпись Осипа Юрія Гординського-Фельковича*, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 199.

⁵ Материали до житєписи О. Ю. Фельковича, Львов 1911, стр. 22.

- ⁴ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См. Маковой, Житєпись, стр. 186.
- ⁹ D. J. Vahylevič, *Huculové, obyvatelé východního pohorí karpatského*. Časopis Českého Muzeu 1839, str. 51/52.
- ¹⁰ Народныя пісні Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацким. Часть I. Думы и думки. Издание Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва 1878, стр. 152—155.
- ¹¹ ССМ, 1839, стр. 51.
- ¹² Писаня Осипа Юрія Федьковича. Перше повне і критичне видане. Том перший. Поэзиі. З перводруків і автографів зібрав, упорядкував і поясненя додав д-р. Іван Франко. У Львові 1902, стр. 88.
- ¹³ См. Маковой, Житєпись, стр. 186.
- ¹⁴ Писаня I, стр. 148—149.
- ¹⁵ Писаня I, стр. 149.
- ¹⁶ Писаня I, стр. 239.
- ¹⁷ Писаня I, стр. 174.
- ¹⁸ Писаня I, стр. 173.
- ¹⁹ Материали, стр. 275.
- ²⁰ Писаня I, стр. 728.
- ²¹ Материали, стр. 64.
- ²² Материали, стр. 152.
- ²³ Материали, стр. 194.
- ²⁴ Писаня О. Ю. Федьковича. Том III, 1 А, Драматичні твори. З перводруків і автографів видав д-р. Олександр Колесса. Львів 1906, стр. 166.
- ²⁵ Там же, стр. 167.
- ²⁶ *Grundzüge zur Geschichte von Sereiland* von Ernst Rudolf Neubauer. (Erste Jahresschrift Staats-Gymnasiums in Radautz für das Schuljahr 1873—1874.) Radautz 1874.
- ²⁷ Д. К. Зелєніч, Про київське походження карпатських українців-гуцулів. Українська етнографія. Наукові записки Академії наук Української РСР. Том IV, 1958, Київ — стр. 16—31.

DOVBUŠ V TVORBĚ UKRAJINSKÉHO BÁSNÍKA JURIJE FEDKOVICE

V poezii i v dramatické tvorbě ukrajinského básníka Jurije Fedkoviče se často vrací hrdina bukovinských Huculů zbojník Dovbuš. V různých obdobích básnickovy tvorby nabývá Dovbuš různého pojetí. Nejprve ho básník chápe jako mstitele sociálních křivd huculského lidu a symbol své rodné země. Pak z něho v básnické transfiguraci činí osudového rozhodčího o svém vlastním osudu. Nakonec v něm vidí mytického bojovníka a ochránce Huculů.

Změny v pojetí Dovbušovy funkce souvisejí s úpadkem tvůrčí umělecké síly básníka Fedkoviče, který od lidově realistického obrazu zbojníka přes jeho subjektivizaci dospívá k nové objektivizaci Dovbuše jako romantického „dobrého génia“ huculského lidu.

